

ТАЛЛИННСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ДИССЕРТАЦИИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ

TALLINNA ÜLIKOOL
SOTSIAALTEADUSTE DISSERTATSIOONID

17

**ПРАГМАДИАЛЕКТИКА ШАХМАТНОЙ ИГРЫ: ОСНОВНЫЕ
ОСОБЕННОСТИ СООТНОШЕНИЯ ФОРМАЛЬНО- И
ИНФОРМАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКИХ ЭВРИСТИК
АРГУМЕНТАЦИОННОГО ДИСКУРСА В ШАХМАТАХ**

Аналитический обзор

АЛЕКСАНДР ВЕЙНГОЛЬД

 TLÜ KIRJASTUS

TALLINN 2005

Философское отделение социального факультета, Таллиннский Университет, Эстония.

Диссертация разрешена к защите на соискание ученой степени *Доктор философии* в области философии докторским советом по философии Таллиннского Университета 30 марта 2005 г.

Оппоненты: Владимир Аршинов (Ph.D. философии, зав. сектором философских проблем междисциплинарных исследований Института философии РАН)
Яак Яанисте (Ph.D. физико-математических наук, профессор Эстонского Сельскохозяйственного Университета)

Руководитель: Март Раукас (Ph.D. философии, профессор Таллиннского Университета)

Защита состоится 6 мая 2005 года в 14.00 в Таллиннском Университете по адресу: Нарвское шоссе 25, аудитория P-223

Trükitud:
OÜ VALI PRESS
Pajusi mnt 22
48104 PÕLTSAMAA

ISSN 1406-4405 (trükis)
ISBN 9985-58-372-8 (trükis)

ISSN 1736-0730 (*on-line*, PDF)
ISBN 9985-58-373-6 (*on-line*, PDF)

© Aleksander Veingold, 2005
© Tallinna Ülikool, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ ДИССЕРТАНТА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ	4
1. ВВЕДЕНИЕ	5
2. КРАТКИЙ ОБЗОР ДИССЕРТАЦИИ	7
3. ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИИ	10
4. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛУЧЕННЫХ В ДИССЕРТАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ	11
ЛИТЕРАТУРА.....	12
MALEMÄNGU PRAGMADIALEKTIKA: INFORMAAL- JA FORMAALLOOGILISTE HEURISTIKATE INTERAKTSIOONI PEAMISED ISEÄRASUSED ARGUMENTEERIVAS MALEDISKURSIS. <i>Kokkuvõte</i>	13

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

- I. Aleksander Veingold 2005. On Certainty in Chess - Kõiva, M., Raukas, M. Trust and Certainty in Practice. *Folklore*, 30. 16 pages (accepted). Tartu.
- II. Aleksander Veingold 2003. Filosoofia tagasi koolidesse! – *Postimees*, 2. mai. Доступна в World Wide Web: <<http://vana.www.postimees.ee/index.html?op=lugu&rubriik=6&id=99125&number=795>>
- III. Aleksander Veingold 2003. Hea haridus ja filosoofia. – *Õpetajate Leht*, 28. veebruar. Доступна в World Wide Web: <<http://www.opleht.ee/Arhiiv/2003/28.02.03/peamearu/2.shtml>>
- IV. Aleksander Veingold 2002. Metamodelleerimine ehk aksiomatiseeritud filosoofia. – *Akadeemia*, 4, 833–850.
- V. Aleksander Veingold 2001. Sokratese draama. – *Õpetajate Leht*, 5. oktoober. Доступна в World Wide Web: <<http://www.opleht.ee/Arhiiv/2001/05.10.01/dialoog/2.shtml>>
- VI. Aleksander Veingold 2000. Haridus ja “liberaalne” filosoofia. – *Õpetajate Leht*, 14. jaanuar. Доступна в World Wide Web: <<http://www.opleht.ee/2000/dialoog/1.html>>
- VII. Aleksander Veingold 2000. Riiklik õppekava ja filosoofia. – *Õpetajate Leht*, 25. veebruar. Доступна в World Wide Web: <<http://www.opleht.ee/Arhiiv/2000/25.02.00/dialoog/5.shtml>>
- VIII. Aleksander Veingold 1999. Filosoofia ja haridus. – *Haridus*, 1999, 4, 11–14. Доступна в World Wide Web: <<http://www.hot.ee/indrme/Veingold.htm>>
- IX. Aleksander Veingold 1999. Riiklik õppekava ja enesetapufilosoofia. – *Sõnumileht*, 31. märts. Доступна в World Wide Web: <<http://www.slõleht.ee/index.aspx?s=meos&id=54457>>
- X. Александр Вейнгольд 1999. О, шахматы! Вы – мир. – *64-Шахматное обозрение*, 3, 31–32.
- XI. Aleksander Veingold 1999. Metamodelleerimise alused. – *Akadeemia*, 2, 326–340.
- XII. Aleksander Veingold. 1997. Liikumise trajektoor. – *Sporditäht*, 11, 34–35.
- XIII. Aleksander Veingold 1997. Filosoofia piirid. – *Sõnumileht*, 19. juuni.
- XIV. Aleksander Veingold. 1996. Metamodelleerimine. – *Kultuurimaa*, 4. ja 11. detsember.
- XV. Aleksander Veingold 1996. Homo modelus. – *Postimees*, 19. august.
- XVI. Aleksander Veingold 1996. “Palju oli seal maletajaid, poliitikategelasi ...”. – *Sporditäht*, 1, 14–15.
- XVII. Aleksander Veingold 1995. Ajatu. – *Sporditäht*, 7, 24–25.
- XVIII. Aleksander Veingold 1995. Maleõpetus tuleks viia igasse kooli. – *Rahva Hääl*, 11. aprill.
- XIX. Aleksander Veingold 1987. Mängumaailma paratamatus. – *Sirp ja Vasar*, 6. veebruar.
- XX. Александр Вейнгольд. 1985. Во что мы играем, или некоторые мысли о шахматах. – *64-Шахматное обозрение*, 1, 18–20.
- XXI. Aleksander Veingold 1984. Viimast korda sellest, mis on male. – *Sirp ja Vasar*, 8. juuni.
- XXII. Aleksander Veingold 1984. Veidi maletooria probleemidest praktiku seisukohalt. – *Kehakultuur*, 2, 61, Male 1–3.

1. ВВЕДЕНИЕ

Данная работа представляет собой попытку рассмотрения некоторых вопросов, связанных с историей и современностью шахматной игры, опираясь на генерированную аксиоматизированной философией методологию, включающую в себя в качестве своих органических составных частей парадигмальные концептуальные аппараты, созданные относительно недавно в области естественных наук. (Veingold 1987; 1999: 332–333; 2002: 849) Загадочность как самих шахмат, так и процессов мышления шахматиста – и, в частности, соотношения в этих процессах формально- и информально-логических эвристик – не раз приковывали к себе внимание различных исследователей; однако, по нашему мнению, именно благодаря вышеупомянутым новым концептуальным аппаратам сейчас впервые появилась возможность плодотворного рассмотрения тех связанных с шахматами вопросов, которые можно отнести к философии шахматной игры и которые до последнего времени не находили удовлетворительных ответов.

Несмотря на то, что история шахмат уходит в далекое прошлое, а сама по себе шахматная игра почти всегда ассоциировалась с понятиями разума, мудрости и способности к логическому мышлению, (см. например Орбели, Тревер 1935: 53; 85) благодаря которым и удается играющему ориентироваться в практически безбрежном море шахматных вариантов, реальное положение дел как с самим пониманием многих аспектов феномена шахматной игры, так и с пониманием тех скрытых закономерностей, которым подчинено целенаправленное движение шахматных фигур на доске, весьма далеко от того формально-логического идеала “учения об умозаключениях”, которое было создано гением Аристотеля, (184b ; см. например Аристотель 1978с : 593) и которое – в том числе и в силу восприятия шахматной игры, как некоего абстрактного символа могущества человеческого интеллекта – всегда разделял автор этих строк. Такое, весьма неудовлетворительное, по мнению диссертанта, с методологической точки зрения положение в науке о шахматах, когда многочисленные инсайты информально-логического мышления различных исследователей шахмат не проходили должного согласования с опирающимися на научные данные и организованными в соответствии с требованиями формальной логики построениями, заставило его в начале восьмидесятых годов прошлого столетия взяться за изучение соответствующей литературы и самому приступить к созданию такой научной теории шахмат, в которой информально-логические аргументы по тому или иному, связанному с этой древней игрой, вопросу, были бы приведены в соответствие с логикой научного знания, направленной – как указывал еще Аристотель – на познание причинно-следственных связей. (см. например 85b23; см. Аристотель 1978b: 302) Об актуальности построения современной единой теории шахматной игры, уходящей своими корнями в философию, можно судить хотя бы и по распространенной в 2000-м году Международной Шахматной Федерацией FIDE книге “Почему учить шахматам в школах?”, в которой “Философские основания в пользу введения шахмат в школу” сводятся к констатации того, что: “начальное образование в системе образования Венесуэлы основано на научном эклектизме, как психологически, так и философски”, (Blanco 1999: 83) – и, таким образом, и до сих пор не реализовано предсказание польского историка шахмат Ежи Гижикского, сделанное им около полувека тому назад:

“И хотя до сих пор отсутствует какая-либо современная, базирующаяся на новейших материалах философская монография шахмат, следует ожидать, что недалекое будущее

принесет попытку обобщения всех понятий, связанных с шахматами.” (Гижицкий 1970: 100)

По нашему мнению, исследование соотношения формально- и информально-логических эвристик как в самом процессе создания и эволюции шахматной игры (являвшей собой на протяжении многих веков символ такой человеческой деятельности, в которой – как это сказано в наиболее раннем из известных письменных источников, содержащих достаточно развернутое описание шахматной игры – “Чатранг-намак” – “оружие разума было осознано как главное” (Орбели, Тревер 1935: 53)), так и в процессе освоения современного нам ее варианта, могут оказаться эвристически значимыми также для понимания некоторых аспектов эволюции всей человеческой культуры в целом (“С давних пор шел я все определеннее к убеждению, что человеческая культура возникает и развертывается в игре, как игра.” (Хейзинга 1992: 7)); и в частности, для понимания некоторых аспектов той игры, в которой также изначально “оружие разума было осознано как главное”, и которая именуется “философией”. В пользу последнего предположения свидетельствует также и тот факт, что во многих мусульманских и средневековых европейских легендах изобретение шахмат приписывается тому или иному философу, в том числе и Аристотелю (Murray 1962: 205; 217); а также то соображение, что сам прагматодialeктический процесс (т.е. такой процесс, в котором сводятся в единое, по возможности максимально формально-логически организованное целое, результаты использования формально- и информально-логических эвристик решения той или иной проблемы) создания любых научных и философских текстов, сопровождающийся тщательнейшим выбором каждого используемого слова и знака, абсолютно аналогичен – во всяком случае, с точки зрения автора данной диссертации – партии в шахматы. Основная разница здесь заключается в том, что если любой играющий в шахматы четко осознает полностью формализованные правила шахматной игры, то многие правила наших языковых игр мы обычно не в состоянии не то что сформулировать, но даже и более или менее удовлетворительно их осознать:

“Человек обладает способностью строить языки, позволяющие выразить любой смысл, понятия не имея о том, как и что обозначает каждое слово. (...) Повседневный язык – часть человеческого устройства, и он не менее сложен, чем это устройство.

Люди не в состоянии непосредственно извлечь из него логику языка. (...)

Молчаливо принимаемые соглашения, служащие пониманию повседневного языка, чрезмерно сложны.” (Витгенштейн 1994: 18)

Если учесть также мнение одного из основоположников современной лингвистики, Фердинанда де Соссюра (о котором известно, что, “Излагая свои основные принципы, Соссюр часто прибегал к сопоставлению языка в любом его аспекте с шахматами.” (Соссюр 1977: 24)) о том, что “Чтобы партия в шахматы во всем уподобилась функционированию языка, необходимо представить себе бессознательно действующего или ничего не смыслящего игрока”, (Соссюр 1977: 122) – то можно, в частности, предположить, что одной из актуальных задач философии, как “настольной игры по правилам, в ходе которой целенаправленное поведение системы, состоящей из разнородных элементов, подчинено лишь воле играющего” (именно такое родовое определение шахматной игры используется в данной диссертации), является продолжение начатой уже Аристотелем работы по осознанию и формализации правил той нашей языковой игры, которая зовется “обыденным языком”: “Слова и шахматные фигуры аналогичны. Знать, как пользоваться словом, это как будто знать, как передвигать шахматные фигуры. Но откуда берутся правила?” (Wittgenstein 1979: 2)

– и, таким образом, изменения соотношения информально- и формально-логических эвристик в философии в пользу последних. Такому изменению соотношения этих эвристик в шахматах и посвящена данная диссертация.

2. КРАТКИЙ ОБЗОР ДИССЕРТАЦИИ

Первый раздел работы посвящен изложению той исходной философской позиции, исходя из которой и генерируется как применяемая в данной диссертации методология, так и основные элементы используемого автором концептуального каркаса. Опираясь на учение Аристотеля о понятиях, в соответствии с которым используемые в философии и науке понятия можно разделить на: 1. невыводимые из других понятий первоначала; и 2. на понятия, которые выводятся из первоначал в соответствии с некими определенными и не всегда осознаваемыми нами правилами, мы выводим понятие “формальная логика”, как такого способа вывода понятий, в котором правила вывода понятий и образуемых этими понятиями суждений уже осознаны человечеством и могут быть изложены в явном виде. Соответственно, “информальной логикой” мы назвали такую “игру понятиями”, в которой правила действий с понятиями и суждениями нами еще не осознаны. Вводится также понятие прагматдиалектики, как деятельности, направленной на согласование информально- и формально-логических эвристик, генерируемых в процессе решения той или иной проблемы.

Показана роль Фрэнсиса Бэкона в осознании того, что наш язык является продуктом практики человечества и что, поэтому, именно практическая деятельность и эксперимент являются не только самым важным доказательством справедливости наших вербальных построений, но и служат главным источником прироста понятийного аппарата нашего языка. Вводится понятие “лестницы Бэкона”, (см. например Бэкон 1977: 69; 1972: 123) как такой организации научного знания, в которой экспериментально установленные аксиомы различных конкретных наук соединены в единое целое формально-логическими построениями, устанавливающими причинно-следственные связи между этими аксиомами.

Далее, опираясь на полученные диссертантом ранее результаты, (Veingold 2002) связанные с нахождением начальной ступени в “лестнице Бэкона”, указывается, что в ходе исследования вопросов, связанных с шахматной игрой, наиболее плодотворным может оказаться применение логики концептуального аппарата так называемой S-модели Пригожина, указывающей, в частности, на конкретный механизм эволюции различных систем: перманентное изменение осуществляется посредством флуктуаций – “изменение через флуктуации”. Инкорпорированное S-моделью Пригожина требование S-модели Берталанфи по установлению причинно-следственных связей в процессах возникновения и эволюции различных систем, заключающееся, в том числе, и в требовании поиска и формулировки системообразующего фактора, приводит нас к заключению, что для адекватного понимания проблем, связанных с шахматной игрой (включая и вопрос о соотношении информально- и формально-логических эвристик в ходе исторического процесса создания и освоения шахмат), нам необходимо выявить главные системообразующие факторы, участвовавшие в становлении современного нам варианта шахматной игры.

В конце раздела рассматриваются некоторые вопросы методологии исторического исследования, связанные с необходимостью синергии презентистского и антикваристского подходов к изучаемым в данной диссертации явлениям.

Во *втором разделе* подробно рассматриваются два главных системообразующих фактора формирования современного варианта шахматной игры: это, лишь совсем недавно осознанная в качестве отдельной биологической потребности, наша, так называемая “потребность в поисковой активности”, (Ротенберг, Аршавский 1984) являющаяся, по мнению диссертанта, одновременно и главным системообразующим фактором формирования всего мира игры; а также четко осознанное уже с древних времен требование, обуславливающее видовое отличие шахмат от других игр – это императив “шахматы – игра для разума”.

Далее рассматривается совместное взаимодействие вышеуказанных факторов и с помощью формально-логических по своему характеру рассуждений выводятся некоторые такие характеристики, которым должна удовлетворять “игра для разума” и которые присущи также и современному варианту шахматной игры.

Учитывая то, что контекст “игры для разума” подразумевает также наличие причинностных объяснений всего того, что с этой игрой связано, и принимая во внимание тот факт, что и сегодня непросто объяснить некоторые из особенностей современного варианта шахматной игры, а построенные по законам формальной логики антикваристские объяснения никак не могут быть признаны удовлетворительными с позиций сегодняшнего дня, мы вынуждены констатировать, что в прагматодialeктическом мышлении создателей и реформаторов “игры для разума” решающее слово принадлежало информально-логическим аргументам.

Многочисленные письменные свидетельства говорят о том, что шахматы во все времена рассматривались как своеобразная модель реальности, причем в настоящее время достаточно часто – и не в последнюю очередь благодаря введенному в обиход Витгенштейном конструкту “языковая игра” – используется также сопоставление шахмат и обыденного языка. Отличие шахмат от обыденного языка состоит в том числе и в том, что они всегда рассматривались как игра, где “оружие разума было осознано как главное” – чего никак нельзя сказать о нашем языке, возникшем и развивавшемся стихийно. Однако, начиная со времен Аристотеля, существует и стремление к осознанию и формализации тех правил языка, которые помогают нам более адекватно использовать его в нашей повседневной и научной деятельности, – наличие этого стремления означает, что некоторые, еще неосознанные нами, механизмы информально-логической аргументации со временем, будучи осознанными, могут стать частью формально-логического аппарата наших вербальных построений. Удивительная стабильность, непротиворечивость и полная формализованность современного нам варианта шахматной игры наводят на мысль, что когда-нибудь усилиями философов роль информально-логических аргументов в “любви к мудрости” может быть сведена к минимуму. Этими, основанными на неформально-логических эвристиках, соображениями и заканчивается второй раздел.

Третий раздел полностью посвящен прагматодialeктике современного варианта шахматной игры как таковой – т.е. особенностям мышления шахматиста в ходе шахматной партии.

Для того, чтобы быть в состоянии – в соответствии с “как было сказано мудрецами: “победу разумом одерживают”” (Орбели, Тревер 1936: 53) – осознанно осуществлять

свой выбор, играющий – ввиду огромного, быстро становящегося астрономическим, количества возможных вариантов при расчете на несколько ходов – неизбежно вынужден прибегать к помощи тех или иных вербальных эвристик. Таким образом, получается, что для того, чтобы ориентироваться в столь сложной формально-логической системе, каковой являются современные шахматы, человек вынужден использовать результаты прагматодialeктического процесса, в котором – как показано в третьем разделе – и до сих пор значительную роль играют аргументы информальной логики.

На конкретных фактах истории освоения современного варианта шахматной игры показан рост значимости эвристик формально-логического характера в прагматодialeктике шахматной партии, – хотя и существует вид позиций (т.н. счетные позиции), для ориентации в которых и на сегодняшний день не удалось выработать подходящих вербальных аргументов мышления. Показана та роль, которую играют в различиях трактовки одних и тех же позиций разными шахматистами различия в их индивидуальных шахматных концептуальных каркасах, а также то негативное влияние, которое оказывают на способность нахождения лучшего хода неадекватные индивидуальные концептуальные каркасы. Указывается, что процесс обоснования шахматных концептуальных каркасов должен начинаться – в соответствии с методологией Аристотеля – с анализа формально-логическими средствами правил шахматной игры и приводится несколько конкретных примеров проведения такого анализа. По мнению диссертанта, все применяемые в шахматной игре мемы и эвристики должны увязываться формально-логическими рассуждениями с правилами игры, однако многие из этих мемов и эвристик – ввиду сложности шахмат – могут быть первоначально сформулированы (в соответствии с точкой зрения Бэкона) лишь практикой шахматной игры. Подобное увязывание всех адекватных шахматных эвристик с правилами игры посредством формально-логических рассуждений поднимет значение формально-логических аргументов в прагматодialeктике шахматной игры и, таким образом, значительно повысит также педагогическую ценность шахмат, как эффективного инструмента интеллектуального развития учащихся.

При обсуждении соотношения расчета и информально- и формально-логических вербальных эвристик показано, что лишь их единство в прагматодialeктическом процессе может служить залогом успешного нахождения верного хода.

Анализируя роль эстетических аргументов в прагматодialeктике шахмат, диссертант приходит к выводу, что эстетические интеллектуальные эмоции в шахматах могут быть обусловлены одновременным соответствием *красивого* хода трем условиям: 1. требованию “победу разумом одерживают”; 2. потребности в поисковой активности; а также 3. наличию позитивной эмоции типа “успех-неуспех”. Подобная ситуация обычно возникает при обусловленном осознанием неадекватности своего индивидуального концептуального каркаса вынужденном прорыве за его пределы – именно это обстоятельство и делает шахматную игру эстетически притягательной формой жизни.

В заключение рассматривается роль человеческого фактора как такового на содержание прагматодialeктического процесса – эта роль сводится в основном к учету присущего нам всем фаллибилизма – т.е. перманентной склонности совершать ошибки.

3. ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИИ

В данной работе были рассмотрены основные особенности соотношения формально- и информально-логических эвристик аргументационного дискурса в шахматах и были получены следующие, наиболее, на наш взгляд, значимые с междисциплинарной точки зрения, результаты:

1. Предпринятая диссертантом попытка, опираясь на унаследованный от древнегреческих философов и дополненный Фрэнсисом Бэконом аксиоматический метод, создания удовлетворительного с формально-логической точки зрения – т.е. в соответствии с аристотелевым идеалом: “То, что начала существуют, необходимо принять, прочее следует доказать” (76a30; см. например Аристотель 1978b: 274) – объяснения, позволившего бы вскрыть сущность шахмат и закономерности их возникновения и развития, дополненных также их генетическим, функциональным и структурным объяснением, привела его к выводу, прекрасно согласующимся с фактическими данными исторического процесса эволюции шахматной игры от первых упоминаний шахматной игры в литературно-исторических источниках и вплоть до сегодняшнего дня. По мнению диссертанта, таким образом удалось, посредством последовательности “научных силлогизмов”, достаточно удовлетворительно связать (через экспериментально установленные аксиомы S-модели Пригожина, аксиомы “концепции поисковой активности” и аксиомы восприятия человеком понятия “разум” как способности установления причинно-следственных связей) шахматную игру с начальной ступенью “лестницы Бэкона” – т.е. с установленными экспериментально, методом *hic et nunc* (см. Veingold 2002: 844–845) аксиомами первой философии Аристотеля;

2. История соотношения информально- и формально-логических эвристик в процессе освоения современного варианта шахматной игры убедительно свидетельствует о многовековой, и до сих пор непреодоленной, недооценке классического философского наследия поклонниками этой старинной игры, в которой изначально “оружие разума было осознано как главное” – об этом свидетельствует, в частности, и то, что задача построения таких учебников шахмат, в которых понятийные аргументы мышления шахматиста были бы формально-логически увязаны – в соответствии с методологией Аристотеля – с правилами шахматной игры, так и не решена. В диссертации приводятся также примеры такого анализа правил современного варианта шахматной игры, который соответствует как аристотелевой методологии, так и парадигмальной S-модели Пригожина и который должен стать неотъемлемой составной частью шахматных учебников будущего – в особенности таких учебников, целью которых будет являться интеллектуальное развитие учащихся общеобразовательных школ.

3. Исследование влияния эстетических аргументов на процесс выбора хода в шахматной игре позволило диссертанту прийти к выводу, что позитивные интеллектуальные эмоции эстетического переживания в шахматах связаны с одновременным соответствием “красивого” хода трем требованиям: 1. установки “победу разумом одерживают”; 2. потребности в поисковой активности; и 3. позитивности эмоции типа “успех-неуспех”. (см. также Васильев, Поплужный, Тихомиров 1980: 168)

4. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛУЧЕННЫХ В ДИССЕРТАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ

1. Созданная Вадимом Ротенбергом и Виктором Аршавским концепция поисковой активности, в соответствии с которой биологическая потребность в поисковом поведении может рассматриваться в качестве одного из перманентно действующих источников флуктуаций человеческой культуры, позволяет нам предположить, что дальнейшее изучение эволюционных процессов создания человеком различных сложноорганизованных систем с позиций S-модели Пригожина с учетом этого, теперь уже четко осознанного, фактора, может оказаться весьма перспективным.

2. Примененный в диссертации способ учета влияния взаимодействия системообразующих факторов на процесс становления сложноорганизованных систем является, по нашему мнению, заслуживающей дальнейшего изучения методологией рассмотрения различных эволюционных процессов в человеческой культуре.

3. Удовлетворительные результаты, полученные при объяснении различных фактов истории и практики шахматной игры с использованием аристотелевой методологии, дополненной установкой Фрэнсиса Бэкона на эксперимент, как основной источник тех начал и аксиом, о которых Аристотель писал: “Большинство [начал] каждой [науки] свойственно лишь ей. Поэтому дело опыта – доставлять начала каждого [явления.]” (46a17–18; см. Аристотель 1978a: 182), и способной учитывать поэтому такие недавно созданные в естественных науках концептуальные аппараты, как S-модель Пригожина, позволяют надеяться, что в ближайшем будущем возможна такая серьезная переоценка важности классического наследия философии, которая позволит поднять “любовь к мудрости” в глазах общества на подобающую ее действительному значению высоту.

4. Исходя из приведенных в диссертации соображений, можно ожидать, что вскоре, наконец-то, будет реализовано и до сих пор не исполнившееся предсказание польского историка шахмат Ежи Гижицкого, высказанное им около полувека тому назад:

“И хотя до сих пор отсутствует какая-либо современная, базирующаяся на новейших материалах философская монография шахмат, следует ожидать, что недалекое будущее принесет попытку обобщения всех понятий, связанных с шахматами.”

5. Построенные в соответствии с указанной Аристотелем методологией, такие современные шахматные учебники, которые будут написаны не с целью – как этого требует царящий ныне в шахматной игре дух спортивного фундаментализма – возвращения сильных игроков, а с целью содействия интеллектуальному развитию учащихся, могут – ввиду игрового характера шахмат – оказаться также весьма наглядным и доступным введением в философию. Не исключено, что в этом случае эта древняя игра, слишком часто во времена подавления свободомыслия выполнявшая роль суррогата “любви к мудрости”, сможет достаточно успешно выполнять функции современной философской пропедевтики – подобно тому, как это удавалось геометрии в Афинской Академии, вход в которую был украшен знаменитым: “Негеометр – да не войдет!” (Платон 1990: 26) .

ЛИТЕРАТУРА

- АРИСТОТЕЛЬ. 1978а. Первая аналитика. – *Сочинения в четырех томах*, 2. М.: Мысль.
- АРИСТОТЕЛЬ. 1978б. Вторая аналитика. – *Сочинения в четырех томах*, 2. М.: Мысль.
- АРИСТОТЕЛЬ. 1978с. О софистических опровержениях. – *Сочинения в четырех томах*, 2. М.: Мысль.
- БЭЖОН, Ф. 1977. Великое восстановление наук. – *Сочинения в двух томах*, 1. М.: Мысль.
- БЭЖОН, Ф. 1972. Вторая часть сочинения, называемая Новый Органон, или истинные указания для истолкования природы. Афоризмы об истолковании природы и царстве человека. – *Сочинения в двух томах*, 2. М.: Мысль.
- ВАСИЛЬЕВ, И., ПОПЛУЖНЫЙ, В., ТИХОМИРОВ, О. 1980. *Эмоции и мышление*. Издательство Московского университета.
- ВИТГЕНШТЕЙН, Л. 1994. Логико-философский трактат. – *Философские работы*, Ч.1. М.: Гнозис.
- ГИЖИЦКИЙ, Е. 1970. *С шахматами через века и страны*. Warszawa: Sport i Turystyka.
- ОРБЕЛИ, И., ТРЕВЕР, К. 1936. *Шатранг. Книга о шахматах*. Ленинград: Государственный Эрмитаж.
- ПЛАТОН. 1990. *Собрание сочинений в четырех томах*, 1. М.: Мысль.
- РОТЕНБЕРГ, В., АРШАВСКИЙ, В. 1984. *Поисковая активность и адаптация*. М.: Наука.
- СОССЮР, Ф. де. 1977. Курс общей лингвистики. – *Труды по языкознанию*. М.: Прогресс.
- ХЕЙЗИНГА, Й. 1992. Homo ludens. – *Homo ludens. В тени завтрашнего дня*. М.: Прогресс, Прогресс-Академия.
- BLANCO, U. 1999. *Why teach chess in school ?* Milan:VERPAL S.r.l.
- MURRAY, H.J.R. 1962. *A History of Chess*. Oxford :Clarendon Press.
- VEINGOLD, A. 2002. Metamodelleerimine ehk aksiomatiseeritud filosoofia. – *Akadeemia*, 4, 833–850.
- VEINGOLD, A. 1999. Metamodelleerimise alused. – *Akadeemia*, 2, 326–340.
- VEINGOLD, A. 1987. Mängumaailma paratamatus. – *Sirp ja Vasar*, 06. veebruar.
- WITTGENSTEIN, L. 1979. The 1932–33 Lecture notes. – A. Ambrose (ed.) *Wittgenstein's Lectures, 1932 –35*. Blackwell.

MALEMÄNGU PRAGMADIALEKTIKA: INFORMAAL- JA FORMAALLOOGILISTE HEURISTIKATE INTERAKTSIOONI PEAMISED ISEÄRASUSED ARGUMENTEERIVAS MALEDISKURSIS

Kokkuvõte

Väitekirjas käsitletakse informaal- ja formaalloogiliste heuristikate interaktsiooni peamisi iseärasusi küllaltki iidses, aga samal ajal ka tänapäeval aktuaalses inimkultuuri valdkonnas, nagu seda on malemäng.

Vaatamata sellele, et malet on alati käsitletud mõistuse ja abstraktse tarkuse kehastusena, mis seisnes võimekuses kausaalsete seoste kindlaks tegemises, selgub antud töös toodud faktidest, et nii malemängu olemuse mõistmises kui ka selle tänapäeva variandi evitamise ajaloolises protsessis formaalloogilised heuristikad, mis kujutavad endast adekvaatsete kausaalsete seoste teadvustamise saadusi, mitte ainult ei olnud pragmadialektilise protsessi domineerivaks faktoriks, vaid jäävad ka tänaseks kaasaegse metodoloogia vaatepunktist ebarahuldavasse seisundisse. Nüüdisaegse ja malet kõikehõlmava ühtse teooria puudumine, isegi vaatamata formaalloogiliste argumentide osakaalu märgatavale kasvule mänguprotsessis, on sellise ebarahuldava olukorra otseseks tagajärjeks.

Kuidas on siis juhtunud, et niisuguse inimtegevuse sajanditevanune sümbol, kus “mõistuse relv oli teadvustatud peamisena”, nagu on seda öeldud kõige varasemas teadaolevas kirjandusallikas “Chatrang-nāmak”, mis sisaldab malemängu põhjaliku kirjelduse, ei osutunud suuteliseks tagant tõukama enda austajaid malega seotute erinevate kausaalsete suhete teadvustamisele ning õigele sõnastamisele?

Autor on veendunud, et sarnase olukorra üheks peamiseks põhjuseks on juba pikemat aega täheldatav peaaegu üldine ühe teise mängu, kus ka “saavutatakse võit aruga” – filosoofia – rolli ning heuristilise tähtsuse alahindamine ning puudulik arusaamine.

Filosoofia, sealhulgas eriti Aristotelese ja Francis Baconi filosoofiapärandi alahindamine ja puudulik arusaamine, on tingitud dissertandi sügava veendumuse kohaselt eelkõige sellest, et alles mõni aeg tagasi – tänu looduseuurijate mitme põlvkonna jõupingutustele – “peene eksperimendi” (Bacon) abiga loodusteadustes Ilya Prigogine'i poolt sai viimaks teadvustatud see, mis oli uue sünteesi, uue “suure teaduste taastumise” (Bacon) jaoks just puudu: teadus sai enda käsutusse vägevaima kontseptuaalse aparadi, mis oma üldisuse poolest on võrreldav ehk ainult Aristotelese “esimese filosoofia” aksiomidega. Seepärast eksisteerib lootus, et juba lähimas tulevikus võib aset leida klassikalise filosoofiapärandi tõsine revideerimine, mis võimaldab “tarkusearmastuse” tema tegeliku tähtsuse ühiskonna silmis sündsale kõrgusele järjele aitamisele.

Mis aga puudutab malet, siis, lähtudes dissertatsioonis toodud kaalutlustest, võib oodata, et varsti viiakse viimaks täide seniajani teostamata poola maleajaloolase Eži Giżycki ligi poolsada aastat tagasi avaldatud ennustus:

“Ja kuigi siiani puudub mõni kaasaegne, uusimale andmestikule tuginev malemängu filosoofiline monograafia, peab lootma, et lähitulevik toob katset kõikide malega seotud mõistete üldistamiseks”.

Aristotelese metodoloogiaga vastavuses koostatud tänapäeva maleõpikud, mis kirjutatakse eesmärgiga aidata kaasa õppija intellektuaalsele arengule, mitte aga kasvatada tugevaid mängijaid, nagu seda nõuab tänapäeval males valitsev sportlik fundamentalism, võivad seoses male mängulise olemusega osutada ka üsna kujukaks ning kergesti arusaadavaks

sissejuhatuseks filosoofiasse. Sel juhul saaks muistne mäng, mis vabamõtlemise allasurumise aegadel tihti täitis tarkusearmastuse surrogaadi rolli, lõpuks etendada filosoofilise propedeutika rolli, mida sellele definitsiooni järgi võib-olla oligi määratlenud “Chatrang-nāmak'i” peategelane, Pärsia šahh Khusraw I Anūshak-rūbān, kes pärast Akadeemia sulgemist seitsmele viimastele Ateena uusplatoonikutele oli ulualust andnud.